

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть первая ИЗГОЙ

Часть первая. Возвращение в Катарсис	7
Часть вторая. Град Покоя	26
Часть третья. Источник	92
Часть четвертая. Ночь	123
Часть пятая. Гость	139
Часть шестая. Путь	157
Часть седьмая. Дьявол	177
Часть восьмая. Пустоши	187
Часть девятая. Плод вечности	202

Повесть вторая КАТАРСИС. НАЧАЛО ВРЕМЕН

Часть первая. Призраки ненависти	221
Часть вторая. Забытое время	238
Часть третья. Негоди	251
Часть четвертая. Гость Ночи	263
Часть пятая. Логос	271
Часть шестая. Гой	283

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ
ИЗГОЙ

Я — изгой. Я — дышу. Я наконец-то вне.

Часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАТАРСИС

«Символ» всегда был со мной. Год, целый год, проведенный в Коробке, я жил с ним. Теперь я полагаю, что если бы все-таки попробовал от него избавиться, вырезать из себя Катарсис навряд ли получилось бы. Хотя, совершив большое усилие над собой, став полноценным жителем Коробки, навсегда отказавшись от тех мест, где «символ» можно приобрести, вместо того окружив себя другими местами, дорогами, людьми, и в итоге — став другим, возможно, я бы не вернулся в Катарсис.

Беспокойно я жил этот год. Беспокойно я спал. В Коробке я не знал опасности, но в Коробке я не знал и себя. Изгой — это не только имя, но и состояние, другая форма мышления, видения, восприятия. Как иная реальность, Катарсис — самостоятельная, независимая от Коробки форма жизни, так и изгой, дети Катарсиса — воды другого мира.

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

Светлело, когда я вышел в град Покоя. Встретил Рассвет, какая удача, что не Ночью ступил ногой на эти земли. Я не знал точного времени, потому что время здесь шло иначе. Мои часы сразу же вышли из строя, их можно было смело выбросить, больше никакого толку от них не было. Они не имели особой ценности для меня, мне их никто не дарил, да и стоили они не так уж и много, потому я спокойно распрощался с ними и оставил в траве. Теперь нужно было купить другие. Как только я оказался в Катарсисе, «символ» исчез. Он всегда исчезал. Теперь, чтобы выбраться из Катарсиса, нужно было приобрести другую вещь, которая стоит дороже «символа». Попасть в Катарсис проще, чем выбраться из него. Редко кто выбирается. Купить «истому» нельзя было просто так, за деньги. Только один изгой на целый Катарсис был способен передать «истому». Изгой не знали ни имени его, ни как он выглядит на самом деле, хотя легенды они любили сочинять, хлебом не корми — дай слухами любую дыру заполнить. Поговаривали, он из пророков. Побежать на линию стражей и попытаться переть буром — равносильно самоубийству. Если не пристрелят стражи, уничтожит Катарсис. Здесь нет выхода на месте входа, сколько трупов умыло земли града Покоя, прежде чем это стало табу для всех изгоев — и на пальцах не пересчитать. Я не только изгой. Я еще и мазохист. Мне не нужны трудности, мне нужны очень большие трудности.

ГОЙ

Стражи, заступившие в смену, их еще называют хранителями Катарсиса — хотя непонятно, для чего его охранять, если забрести в него случайно невозможно, как и случайно покинуть, — лениво пальнули несколько раз в мою сторону. Они стерегли конкретно эти земли, была у них своя задача. Складывалось со стороны впечатление, что они чего-то ждали. Ни в станице Покинутых, ни в Мертвых водах, ни на Землях трупов стражей не было. Стреляли явно в «молоко» и не целились. Они увидели, как я мирно ползу по земле в надежде не привлекать к себе внимания ни их, ни местной нелюди — ванаков. У меня не было с собой ни кинжала, ни ствола, чтобы защититься; хранители стреляли не для того, чтобы меня убить или ранить. Они стреляли, чтобы показать, что они есть, несут свою службу и видят, что происходит вокруг. Стражи в большинстве своем мирные, но и среди них найдутся отморозки, вот одни из них и поприветствовали меня. Один из стражей — мой хороший приятель, Степан, раньше выпивали с ним, да за нашу горькую перетерали. Приятная натура была — или есть? За год моего отсутствия, и к пророкам не ходи, многое поменялось — изгои изведали новые земли, открыли дары, о которых ранее не знали, дополнили свои карты новыми маршрутами. Так было всегда, Катарсис — место, не поддающееся привычной для человека логике, здравому смыслу. Это не Коробка — здесь нет ни давящих стен, ни детей

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

Коробки с компьютером в мозгу, ни роботов, ни безопасности. В этом мире свое время, свои законы, свои правила.

Я вышел к граду без особых происшествий: тихо, спокойно. Как говорится, тише воды, ниже травы в буквальном смысле — полз по земле, как червь. Видел, как один хранитель, стоявший у дороги к граду, поднял голову к небу и долгое время смотрел вверх. После Ночи каждому изгою хотелось посмотреть на мир, которого он был лишен шесть суток, подышать свежим воздухом, проводить Ночь. Это уже стало ритуалом. Бывал я в граде Покоя, который местные изгои называют курортом, и не раз. Один путь в Катарсис — через град Покоя. Град Покоя — это еще не совсем тот опасный, непредсказуемый Катарсис, в этих местах относительно спокойно, чего уже не скажешь о Землях трупов, граде Тишины и станице Покинутых. Много мест в Катарсисе неизведанных, непротопанных. Никто не знает наверняка размеров его. Поговаривают бывалые изгои, что Катарсис не меньше Коробки, а быть может, и больше, но это только слухи. А если на секунду вообразить себе это, то ни один изгой и тысячной части не познал всего масштаба этой земли. Жил я Катарсисом. А Катарсис живет во мне до сих пор. Не отпускает, как клещ, в нутро вцепился — не вытащишь. Там, в Коробке, я маленькая букашка, пчела единого бетонного улья. А здесь дышу я. Тут изгой я среди таких же изгоев, бродяга среди

ГОЙ

других бродяг, бездомный среди других бездомных. Чей-то брат, чей-то друг, чей-то враг, и Имя у меня здесь есть. Иметь имя — это много. Это значит быть видимым.

Вот и пригодились карты. Не у каждого изгоя есть и третья часть тех карт, которые есть у меня. А без них в Катарсисе не выжить. Многие бы отдали накопленное за эти карты. Ценность карт в Катарсисе не измеряется деньгами. Их продать может лишь дурак, которому они достались даром. Карты либо передаются, либо меняются на такую же ценность, соизмеримую. И никто не носит карты при себе, находясь в безопасном уголке, вдали от дорог. Их прячут по всей территории, зачастую в труднодоступных местах. Я спрятал свои карты вблизи града Покоя.

Думал, больше никогда не воспользуюсь ими. В самом граде Покоя делать хранилище — все равно что крикнуть на всю округу: карты здесь, берите, мне не жалко. Там каждый метр исследователи исследовали, исследуют и исследовать будут. Работа у них такая. Изо дня в день. Карты свои я закопал в землю метрах в двухстах от града, место то поместил камнями. Здесь на территории ни арагоры, ни бхуты, ни любые другие отпрыски Катарсиса, позубастее ванаков, не водятся, но оружие всегда под рукой быть должно. В Катарсисе изгои, как говорил покойный Питон, опаснее любой нечисти, имеющей нечеловеческий облик. При мне был кинжал, кото-

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

рый подарил мне Питон незадолго до смерти, когда мы шли с ним через станицу Покинутых полтора года назад. Редчайший кинжал — ни у одного изгоя такого нет, кинжал бедуинов, который он однажды приобрел на аукционе в станице Покинутых. Не раз выручал меня он. Острый, кости резать можно.

— Здорово, Мирон.

В лачуге Мирона, как всегда, было пыльно, стоял тяжелый запах химикатов собственного производства. Мирон редко проветривал, так как со временем переставал его ощущать. Темно, как в норе у землекопа, не просто так ему и дали имя — Землекоп; не любил он света дневного и старался держаться от него подальше, плодом вечности не выманишь на улицу. Тусклый свет лампы еле-еле освещал помещение, а вернее, только письменный стол, на котором лежали папка и ручка, и лицо человека, сидящего за столом. Мирон занимал большой старый двухэтажный дом у окраины града, а пользовался только несколькими комнатами на первом этаже. За многие годы этот дом уже стал родным для меня, как и сам хозяин. На душе стало радостно, когда я увидел лицо барышника. Так же радостно было, когда я полз по холодной, сырой земле, камни впивались в локти, в колени, а нутро мое пело от счастья, отрадно было ему, что дома я, наконец. Полз, как гусеница, возле убежища хранителей еще час назад. Внутри бурлило, пылало, трещало: «Живой, я снова живой».

ГОЙ

— Какие люди, ну, здоров будь, изгой. Злой, какими судьбами предобрая душа пожаловала к нам в пекло?

Мое имя здесь — Злой. Имена себе не выбирают. Катарсис выбирает и клеймит, награждает, кому как угодно — твое имя, как шрам, никуда от него не деться. Злой. Значит, Злой. А прозвали меня так, потому что, будучи непомнящим, не состоявшимся изгоем, я ножом зарезал ванака, который был немногим ниже меня. Тот сбил меня с ног и своей тушей повалил на землю, и все это действие сопровождалось омерзительным фырканием. Я раскромсал его ножом, как огурец для бутерброда, выпустил кишки прямо на себя. Я на перо сажал его так, будто в меня вселилось нечто другое, чем я не являлся. Я боролся за жизнь, мне было страшно. И благо, что я был голоден, а в желудке было пусто. Признаться, чего уж тут таить, если бы наелся до отвала до этого, то обосрался бы от страха в прямом смысле слова. И такое повидал в Катарсисе. Подобные случаи здесь нередки, особенно в граде Покоя, среди непомнящих. Ванак — бродящие на четвереньках, имеют длинные острые когти, эти нелюди покрыты густой черной шерстью с ног до головы, чувствуют страх, питаются страхом. Только из-за того, что я боялся его, он на меня и напал. В лагерь я тогда вернулся весь в крови. Как говорят, умытый кровью. Руки в крови, куртка, лицо. В руке нож. Это было мое первое боевое крещение Катарсисом. И тогда он увидел меня, дал мне это имя — Злой.

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

Устами покойного Питона, сидевшего в граде Покоя у огня, наблюдавшего мое возвращение.

Он крикнул на весь град тогда, громко, чтобы все слышали:

— Злой вернулся. Это уже другой человек, дамы и господа. Романтики и приспособленцы. Это другая вода. Злой он!

С тех пор я стал Злым. Непомнящим я был недолго по меркам Катарсиса, многие же остаются на годы и погибают ими — без имени, без голоса. Отвел меня покойный друг Питон от данной участи.

— Присядь ко мне, Злой. Нечего тебе тут одному по граду шариться, да дуру с фигой Мирону таскать.

Еще одна причина, почему многие стремятся попасть в Катарсис, — богатства хранятся в этих опасных землях. Это не золото, не серебро и не платина, и янтарных комнат здесь тоже нет. Богатства другие и названия имеют другие. Самые ценные из них — это информация, карты и порождения самого Катарсиса. А породил Он реку Самсона. Если кто из изгоев находил реку Самсона, тот наполнял все склянки, которые были у него, до краев этой водой. Три глотка воды из реки Самсона давали власть над человеком, выпившим ее, тому, кто воду ему дал. Страшная сила — вода из реки Самсона. Ее продают местным барышникам и немалую цену просят за нее. Река Самсона, порождение Катарсиса, — единственная причина, почему ни один изгой не возьмет стакан воды от ближнего своего, даже

ГОЙ

от друга или человека, которого знает много лет. Это табу. О нем знает каждый изгой, каждый непомнящий. А если женщине дать эту воду, то до конца своей жизни она будет любить мужчину, подавшего ей эту воду. Ни одно сокровище Коробки не имеет такой ценности, как вода реки Самсона. Ни один бриллиант не стоит столько. За посудину этой воды грабили, убивали, предавали, обманывали. Кровью испачканы склянки с этой водой.

Это не единственное богатство Катарсиса. Их немало, и не все еще исследованы. Как говорят опытные изгои, Катарсис переживает начало времен, и те, которые станут у истоков, обретут богатства, положение в обществе, славу на весь Катарсис и влияние. Многие отправляются на поиски и изучение этих богатств. Естествоиспытатели Катарсиса. Река Самсона появляется после Рассвета и исчезает в течение суток после него. Рассвет — это не то, что принято называть временем перед восходом солнца в Коробке. В Катарсисе Рассвет — это начало жизни, пробуждение после шести суток смертоносной Тьмы, перемалывающей все на своем пути, нередко после голода, холода, и всегда — страха. Когда наступает Рассвет, все, что имеет человеческий облик на этих землях и чувство страха, радуется свету, как новому дню рождения. Пережить Ночь дано не всем. Ночь — это время охоты для порождений Катарсиса. И эти порождения охотятся друг на друга, но чаще всего — на нас. Днем они тоже бродят, но их меньше. Большинство

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

из них спит или прячется до наступления Тьмы. День здесь, так же, как и Ночь, длится шесть суток.

Если бы я появился в Катарсисе Ночью, то до града Покоя я бы не дошел. У меня не было бы ни единого шанса. Я вернулся, благодарю тебя, Катарсис, на Рассвете. С первыми лучами.

Но Землекопу было фиолетово, он никогда особо не радовался наступлению Рассвета, так как решал свои дела в собственном доме, двери и окна которого были плотно забиты досками.

— Вернулся домой, Мирон.

— Так и понял, брат. Удачно вернулся, на Рассвете. Везунчик ты. Недавно только вспоминал Питона.

Это был мой единственный настоящий друг в Катарсисе, мой напарник и боевой товарищ. Изгой Питон, который топтал Катарсис годы в поисках своего, присматривал за градом Покоя во время отсутствия Жиголо. Так прозвали того, потому что любил, когда дура в крови, похвалиться, как там, в другой жизни, в Коробке, дамским искусителем, угодником на хлеб насущный подрабатывал. И Жиголо Катарсис забрал, покойся с миром, Глеб. Храни Катарсис душу твою. Питон долго ко мне присматривался, прежде чем предложить стать напарником. Не шныренком — «принеси-подай, прибери, постирай», а именно напарником. Я попал в Катарсис угрюмым, тихим малым, непомнящим; трепаться особо не любил, в нутро чужое лезть — тоже. Нужна была